

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 20 (2283) Четверг, 9 мая 1946 г. Цена 45 коп.

ПРИКАЗ Министра Вооруженных Сил Союза ССР

9 мая 1946 г. № 11 Гор. Москва

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, сержанты и старшины! Товарищи офицеры, генералы и адмиралы!

Трудящиеся Советского Союза!

Сегодня мы празднуем первую годовщину великой победы нашего народа над фашистской Германией, посягнувшей на свободу и независимость нашей Родины.

От имени Советского Правительства и нашей Коммунистической Партии приветствую и поздравляю вас с днем всенародного торжества — Праздником ПОБЕДЫ над немецким фашизмом.

В ознаменование Праздника ПОБЕДЫ ПРИКАЗЫВАЮ:

Сегодня, 9 мая, произвести салют в столице нашей Родины — Москве, в столицах союзных республик, а также в Львове, Кенигсберге и в городах-героях: Ленинграде, Сталинграде, Севастополе и Одессе — тридцатью артиллерийскими залпами.

Слава нашим Вооруженным Силам, отстоявшим честь и независимость нашей Родины и завоевавшим победу над гитлеровской Германией!

Слава Всесоюзной Коммунистической Партии — вдохновителю и организатору наших побед!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

**Министр Вооруженных Сил Союза ССР
Генералиссимус Советского Союза
И. СТАЛИН**

<p>Ольга ФОРШ Богатырская сила Великий праздник Победы нашей доблестной Родины, собравшей богатырскую силу, которая разбила чудовищного врага, вызывает чувство особой высокой гордости своей страной. Не впервые выпадает на долю русских отражать нападения свирепых варваров, спасая от них не только себя, но и другие дружественные народы. Но такого злодея, превышшего все до него бывшие злодейства, каким оказался фашизм, история не знала. Пройдут не века — тысячелетия, сменятся исторические эпохи, но не померкнет слава самоотверженных победителей в памяти всего культурного человечества!</p>	<p>Эдуардс МЕЖЕЛАЙТИС Земля моя Гляжу я в небо чистой синевы, Как мне не чтить возлюбленной Литвы! За эту землю, за родимый кров Недаром на войне я пролил кровь! Недаром опустила трава, На тонкой ткани видны едва Бутоны лилий, незабудок взвз, Кричат сиворы, как будто спорятся. Кула ни глянись — розовеет май, Журчит, шепечет — в гости принима! Смеются люди, на знаменах свет, Весна идет дорогою побед. Неволью радость за сердце берет, Когда гляжу на вольный мой народ. За эту землю, за родимый кров Недаром на войне я пролил кровь!</p>	<p>Н. ТЕЛЕШОВ Знамя Победы Знамя Победы, год тому назад водруженное над Берлином, сокрушило фашистскую силу, освободило многие народы от гнета, позора и рабства, от грабительства фашистских заправил, этих злобных и низких убийц, ныне сидящих на скамье подсудимых. Знамя Победы утвердило счастливое будущее народов нашей страны, нерушимость их братского единения, культурное развитие и мирные достижения во всех областях знания и труда. Знамя Победы открыло великие возможности восстановления разрушенного захватчиками и еще больше укрепило могущество нашей Советской Родины.</p>
--	--	--

Сообщение Министерства Финансов СССР
Выпущенный 4 мая 1946 года Государственный заем восстановления и развития народного хозяйства СССР на сумму 20 миллиардов рублей размещен к исходу 5 мая на 20 миллиардов 447 миллионов рублей.
Подписка на заем продолжается.

6 мая 1946 г. Министр финансов СССР А. ЗВЕРЕВ.

Писатели с воодушевлением подписываются на заем

МОСКВА
С большим воодушевлением встретили писатели постановление Совета Министров Союза ССР о выпуске Государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР. К 8 мая подписка на заем в литературных организациях Москвы дала следующие цифры:
Во Всесоюзном управлении авторских прав общая сумма подписки превысила 600 000 рублей, что составляет 111 процентов выполнения контрольной цифры.
В объединенном группоме Госиздата и «Советского писателя» подписка на заем достигла 234 000 рублей.
В группоме издательства «Молодая гвардия» и «Летиз» общая сумма подписки составила 171 131 рубль.
Доктор философии В. Асмус подписался на 23 900 руб.; проф. Л. Тимофеев — на 20 000 руб., Н. Погдин — на 20 000 руб., Н. Адуев — на 15 000 руб., В. Масс — на 12 000 руб., Семья Пешковых подписались на 15 000 руб. По 10 000 рублей дали ваймы государству А. Фадеев, А. Крон, В. Катаев, Н. Михайлов, М. Червинский, проф. Ю. Давидов, подписались на 8 250 рублей, Ф. Гладков, Н. Рыбак — по 7 000 руб.
М. Исаковский и А. Исаиха подписались по 6 000 рублей.
Подписка повсеместно продолжается.

ЛЕНИНГРАД
ЛЕНИНГРАД (От наш. корр.). Подписка на заем среди ленинградских писателей идет с большим подъемом. В первый же день общая сумма подписки превысила 500 000 рублей. М. Лозинский подписался на 20 000 руб., М. Зошенко — на 8 000 руб.,

КИЕВ
КИЕВ (От наш. корр.). С небывалым подъемом прошел третьего мая писательский митинг, посвященный подписке на Заем восстановления и развития народного хозяйства СССР. Писатели Киева к 5 часу дня 3 мая подписались на 150 000 рублей. Александр Корнейчук подписался на 40 000 рублей, Максим Рыльский на 6 000 руб., Леонид Первомайский и Ванда Василевская по 10 000 рублей каждый.

ФРУНЗЕ
ФРУНЗЕ (По телеграфу). Писатели Киргизии подписались на заем на следующие суммы: Малков 18 тыс. руб., Токомбаев 15 тыс. руб., Байдаев 13 тыс. руб., Джакшиев 8 тыс. руб., Сыдыкбеков 5 тыс. руб., Догулов 6 тыс. руб. и Саманчи 5 тыс. руб.

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

Год назад героическая Красная Армия одержала великую победу над черными силами фашизма. В майские дни 1945 г. завершен был разгром гитлеровской Германии, повержен был в прах самый подлый и самый жестокий враг из всех, когда-либо посягавших на свободу и независимость нашей Родины.

Великая Отечественная война была трудным испытанием для нашего отечества. Дело идет о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными, или впасть в порабощение. Слова эти были сказаны товарищем Сталиным в первые дни войны, и они вдохнули мужество в сердца советских воинов, окрылили советских людей на беспримерные подвиги, так как заставили осознать с беспощадной ясностью, что нет нам жизни на земле, нет нам радости, счастья без победы над фашизмом.

Миллионы советских патриотов на фронте и в тылу добивались этой победы с неустрашимостью и непреклонностью людей, создавших, что они защищают все достижения Октябрьской революции, будущее страны.

Под руководством гениального полководца товарища Сталина Красная Армия блестяще выполнила поставленную перед ней задачу: она разбила вдребезги гитлеровскую военную машину, поставила на колени врага, слышавшего «необходимым», и воздвигла знамя Победы над логовом фашистского зверя — Берлином, утвердив себя навеки вехой в благодарной памяти человечества как освободительница народов от ужасов рабовладельческого «нового порядка».

Победа, одержанная советским народом над сильным, до зубов вооруженным врагом, исторически закономерна, она обусловлена особенностями нашего социалистического уклада. Война явилась проверкой государственного и общественного строя нашей жизни, она подтвердила всю правильность политики нашей партии, превратившей Россию из страны отсталой в мощную социалистическую державу.

Идейное и политическое руководство ленинско-сталинской партии — вот сила, неузнаваемо преобразившая лицо нашей Родины, вооружившая наш народ всеми средствами сопротивления врагу. Эта великая сила преопределила нерасторжимое единство наших рад в тяжелые годы Отечественной войны и привела нас к полной победе над гитлеровскими ордями.

Фашистские захватчики превратили в руины тысячи советских городов и сел, уничтожили множество промышленных предприятий, снесли с лица земли памятники культуры, составившие законную гордость нашего народа. Фашистские жерлавы изображали, что, превратив временно захваченные ими области в сплошную пустыню, они сделают невозможным возрождение жизни в этих местах.

Но после грозных дней Отечественной войны мир еще раз должен был с изумлением убедиться, что поистине неиссякаема творческая энергия советского народа. Еще задолго до того, как отгремели бои и окончательно повержено было гитлеровское государство, началась созидательная работа в областях, освобожденных от фашистских полчищ. Небывалый размах приняло это строительство в дни последовавшие за окончательным разгромом гитлеровской Германии.

Несокрушимая воля народа-победителя к творческому, всеобъемлющему труду, его страстное, нетерпеливое желание как можно быстрее залечить раны, нанесенные войной, нашли свое выражение в грандиозном плане четвертой сталинской пятилетки.

Каждый день приносит известия о новых проявлениях всенародного подъема, о новых трудовых достижениях миллионов людей, объединенных одним желанием: повести любимую Родину к дальнейшему расцвету, сделать жизнь в ней еще более прекрасной, добиться того, чтобы страна наша стала

еще более влиятельным и могущественным фактором в борьбе за всеобщий мир.

Немало еще мракобесов и реакционеров разного толка, напуганных мощью Советского Союза и приведенных в ужас ростом симпатий народных масс всего мира к нашей стране-победительнице, пытаются всеми силами и средствами свести на-нет результаты победоносной борьбы свободных народов против фашизма!

Далеко еще не все фашистские последствия излечены из нор, в которых они продолжают отживаться не без попустительства всякого рода псевдодемократов и псевдоуманитов.

Об этом напоминал нам слова первомайского приказа министра Вооруженных Сил Союза ССР товарища Сталина: «Развертывая мирное социалистическое строительство, мы ни на минуту не должны забывать о прощках международной реакции, которая вынашивает планы новой войны. Необходимо помнить указания великого Ленина о том, что, перейдя к мирному труду, нужно постоянно быть на чеку, беречь, как зеницу ока, вооруженные силы и обороноспособность нашей страны».

Быть одним из действенных средств разоблачения преступных прощков явных и скрытых реакционеров, срывающих дело мира и нагло интригующих против Советского Союза, — задача советской литературы.

Показывая могущество советского строя жизни, непреклонную волю советского человека, его героические подвиги, советская литература тем самым воспитывает и воодушевляет миллионы людей, разоблачает клевету врагов.

Художественно убедительное отражение всего нового в нашей жизни, в характере советского человека оказывает благотворное влияние на зарубежного массового читателя, вооружает его чувственным пониманием тех сложных процессов, которые происходят в нашей стране.

Как никогда, велик восторг интерес к нашей жизни, к нашему творчеству. Как никогда, связывают лучшие люди всего мира свои надежды с Советским Союзом, с народом, показавшим в годы самой страшной из войн безграничную силу оптимизма, великие духи, несокружимую стойкость в соединении с блестящим военным мастерством.

Наша дружба хочет глубже понять природу советского человека, выдержавшего самые грозные испытания эпохи и теперь с удивительной энергией, с вдохновением и с пригущим ему держанием и размахом приступившего к осуществлению великого плана четвертой пятилетки. И вполне естественно, что в первую очередь взоры друзей обращаются к советскому искусству, к нашей художественной литературе.

Для каждого внимательного читателя является непререкаемой истиной, что сила советской литературы — в теснейшей связи с народом.

Только эта нерасторжимая связь с жизнью миллионов позволяет литературе стать на деле могучим фактором коммунистического воспитания масс, пронаглядством великой правды Сталинской эпохи.

Тесное и постоянное общение с жизнью, активное участие в ней позволяют художнику стать поистине народным, умением видеть явления жизни в свете больших идей, позволяют ему возвысить силу и совершенство своего мастерства.

Мы дышим воздухом самой свободной страны в мире, страны вдохновения и творчества, прокладывающей всему человечеству путь в прекрасное будущее. Мы живем среди людей, которых можно, по памятной выразению Максима Горького, любить, «не кривя душой», — любить за героизм их труда, за прекрасную их работу восторженного развития и укрепления нашей родины, на которую точат зубы и когти издыхающие мещане всех стран».

Геворг ЭМИН

Святыня

На этих раскрывшихся розах победы
Слеза моей матери — скорбь ее глаз.
Поведай, росинка, народу, поведай,
Что матери впредь не заплачут у нас.

На этих победных знаменах — святыня!
Кровь брата горит в этот праздничный миг.
Да будет свидетелем мир, что отныне
Священна для мира кровь братьев моих.

Мой сын, незнакомый со страхом и мукой,
Любуется блеском веселых ракет.
Да будет улыбка ребенка порокой,
Что вечно не спасет ликующий свет. ...

Осушены слезы. Далеко кручина.
Победа! Отчизна встречает тебя,
Как мать, что любимого воина сына
На отчем пороге встречает, любя.

Перевела с армянского
Вера ЗВЯГИНЦЕВА.

Ахмед ЕРИКЕЕВ

Застольная

Мы прошли в дыму пожарищ,
Всюду нас вела война.
Мой приятель, мой товарищ,
Подыми бокал вина!
Отстоял ты честь и славу,
Отстоял тебя, страна,
За советскую державу
Подыми бокал вина!
Мы в окопах тосковали,
Но твоя ль, скажи, вина,
Что жена жила в печали?
Подыми бокал вина!
Вот в Берлине наши части,
Наша кровь отомщена.
За любовь, за жизнь, за счастье
Подыми бокал вина!
Пей, чтоб вилло было звездам,
Лей сполна и пей до дна!
Огладняв воздух тостом,
Подыми бокал вина!
Дни пройдут, мы будем седые,
Но скажу я: — Старина,
Молод я, как в день победы,
И налью бокал вина!

Перевел с татарского
С. Липкин.

Семен ГУДЗЕНКО

Победа

Когда мне говорят
Победа,
я вижу:
звездный небосвод,
многозвездная планета
по кругу вечно идет.

А над рекою,
на пригорке
стоит, оглаывая ширь,
солдат в линной гимнастерке,
который спас от смерти мир.

Когда мне говорят
Победа,
я вижу
карту на столе,
я вижу:
сорок первый,
лето,
и первых павших на земле.

И тот же юноша плечистый
идет дорогою своей.
(...Проходит двести дней
и тысяча проходит дней).

Он в сапожках семимильных
идет через лещи и льды.
На травах
и на тропах пыльных,
и на снегу —
его следы.

В пути военном многоверстом
бывало очень тяжело.
Ведь это не легко, не просто,
Чтоб во вселенной расселю.

И рассветло!
И сколько света
и счастья сколько на земле!
...Когда мне говорят
Победа,
я вижу
Сталина в Кремле.

В степном краю на южных фронтах сражался стрелковый полк. Теперь он гардейский, титулованный, но в начале войны он был просто номер такой-то стрелковый полк.

Тогда-то и появился в нем агитатор Паншин.

Он прибыл летом 1941 года из Кумурганского округа, работая агрономом. Полк не выходил из боя, полк отсутствовал, и было непонятно болтать о том, что казалось непонятным. А Паншина прислали в полк агитатором.

Петерелив был — сам маленький, одышка, несмотря на молодость, взгляд вспыхивающий, лоб мокрый, и даже гимнастерка на нем как-то вывела раньше, чем на других. В жаркие минуты он выхватывал из кобуры наган, совал за пояс и с гранатами в обеих руках устремлялся вперед. Но людей не замечал в бою, был занят собой — вот тебе и агитатор! В первом бою он небажал на трусу, который засел в пшенице и голову спрятал в руках. Он мог бы пристрелить его сгорая, но почему-то только поморщился. «Слушай, и так жарко, а ругаться в такую жару...» — и, недосказав, дал ему по затылку чем поало — гранатой. Он ясно припомнил впоследствии, что не было чувства презрения, гадливости, а было чувство заботы о самом себе, как бы не лечь рядом, да страх за себя, за свою волю, — вот что заставило его безразлично, точно палкой, тыкать гранатой и шептать: «Слушай, ты, нельзя нельзя так...» И вдруг он обогнал на себя и закричал на все поле, полное лежащих и бегущих бойцов:

— Не травой, так сеном! Вперед, бойцы! — и побежал к немецким окопам, обгоняя других.

Что он хотел высказать в этих словах, он и сам не знал, и никто не понял. Но отчаянный призыв никому неизвестного агитатора всех повел вперед, а потом в отбитых окопах, когда успокоились, наметил все; поговоркой кумурганского агронома в полку снарядился надоло, точно малой шапкевой лопатой, всегда подвешенной на боку... И чуть что — кистки на кистки — говорили потом: «не травой, так сеном».

Так, порывисто и неуслуго, начал свою боевую жизнь полкитрук Паншин.

Через месяц он был ранен. Кто-то принес рядом с ним мотоцикл и ушел пешком. В знойный день короткая, вонючая бензиновая тень мотоцикла несколько часов спасала его от солнечного удара. Вдали по шляху на Кумурган уходили полковые батареи, утыканные ветками. Паншин не понимал, что идут батареи, казалось, мимо неподвижных деревьев плали тоже деревья. От обиды Паншин стоял и задыхался, а думал, что это он смеется... «В полку жарко, жарко в джунглях Кумурган...»

Вспомнил еще, — по-детски, снизу он видел всклокоченную ветром бороду, мужские руки с обжуренными пальцами, в которых гудели черные потные ремни конской упряжи. А потом в долину Кумургана входила мать — веселая раскушавшая струска с выбитыми коровой передними зубами...

На сплетенных руках его проносили мимо штабных папачок, маленького, без фуражки, бритоголового, руки в крови на лечах санитаров, и в правой руке, как на крючке, висевшая полевая сумка. Его раскачивали на-ходу, кость тарахляла кость. Он терся лбом над головой, без сознания и бреду снова шел в бой, а бой — это таже самое самопринуждение, это чванение и свист горячих осколков, летящих в тебя, только в тебя...

— Вот войну себе объясню, — медленно выговорил он кому-то склонившемуся над ним. — Как объясню себе войну, стану храбрым...

— А кем вы у нас в полку? — спросил тот уставшим голосом.

— На должности агитатора, — с трудом вспомнил Паншин.

— Это не должность, — спокойно возразил комиссар полка.

— Не должность... — и больше ничего не добывал.

После ранения он нашел полк уже у Днепра.

Товарищи не заметили перемен в Паншине, потому что сами все изменились. Он присаживался с бойцами, рассказывая, какие где почвы в Советском Союзе и что родит, и почему элеваторы всегда стоят фасадом на юг, и о том, как в Сибири догадывались прервать оженить с пшеницей. А в самом деле, какой он был агитатор? Он был агроном-семеновод, он всегда любил агрономическую науку за то, что она советуется с простым человеком. Когда он смеялся, что эта черта его мирной профессии гонится и здесь, в стрелковом полку, он обрадовался: война обяснила ему как-то краешком. Он шел по испорченным войной полям, и каждый обрубленный дождем окопчик что-то подсказывал ему о тех, кто здесь окаявался, томился без курава, утравлялся в заморозки, а подошло время — и вот же: набрался справа от себя почернулой горку расстрелянных глыз.

Было трудное время для агитатора: все были злы на правду, взбудораженные. А Паншину приходилось каждый день читать людям сводки об оставленных городках. Терпевшие люди слушали молча. Иногда агитаторы вырвали в самих неожиданные вещи: однажды во время поитбеседы их застиг косою дождь в неконченных дугах; и этот дождь, пронизанный солнечными лучами, знакомый всем с детства, вдруг всех расшевелил и странно сплюснул всех вокруг Паншина, и бодрость вернулась сама собой, не стало нужно никаких слов.

Ночами перед стрелковым полком, шепчущими в окопах, развевались в тревожных солдатских снах картины мирных

полей под белыми надувными облаками. Ряды разрывов автавали в полях, точно старинные помещичьи аллеи, и от дыма к дымку ползали приземистые немецкие танки. Бойцы таранили глаза по ночам, дивились снам, и слушая их разговоры, Паншин даже чуть не слезливо кинулся пахучей и теплой родной земли, пошавшей в сырдуно перелачку, носит в себе не он один. — весь полк. Не забывалось Паншину, как однажды пошел в атаку в полный рост спокойный и мирный человек по фамилии Синеков, товарищ из сибирской тайги.

А ночью, в отбоях около Синекова полк к нему, затянулся цыгаркой, чтобы осветить лицо агитатора, и долго с непонятным волнением шептал а про горбатых сибирских снов, и про серебристую черную с белыми вершинами, а как желтый, допотопкой. Паншин даже не понимал о чем это? Уж так неуемно ему не это показало после боя, в заглаженной щели окопа. И вдруг его озарило: «Войну себе объясняет человек», — подумал Паншин. Видно, сейчас человеку нужно вспомнить все это, — не до войны, не после, а сейчас, после боя, в котором он остался жив и победил.

Позже он часто думал об источниках силы, которая одолев Гитлера, а, пожалуй, и он сам, Паншин, был источником силы. Только по каждому синему неределю был он, заглядывая.

Уходили за Днепр. Сколько тоски было в лицах бойцов, когда прощали по запожорской плотине. И Паншин волновался, — чем же поднять настроение, боевой дух? Пожилого бойца, обремененного отступлением, не вымывшего неделю, заросшего ключаковой бородой, Паншин оставил уже на том берегу.

— Форсировал, товарищ? — так он спросил громко под грохот рвущих снарядов, и в голове агитатора бойцы услышали паншинское предупреждение: «всплыть не буду, держись».

— Форсировал, — ожесточенно ответил боец.

— Днепр? — Днипро. С вами вместе.

— С востока на запад? — допрашивал Паншин заросшего от тоски человека, ища доступа к его обжуженному сердцу. — С востока на запад? — Нет, с запада на восток... С вами вместе.

— А чего же воды напоселок пожелал помыться? — почти шопом, со злостью выдохнул Паншин... — Не глядел бы на тебя.

А через час парторг полка отозвал Паншину, сел на буржуйку, и был выведен в знойном марше, среди пшеничных полей, оставленного Днепра.

— Что с тобой, заскучал? — спросил парторг.

— Думал, что хорошо говорю. Нет... Обидел человека... Нельзя...

— Ты маленький, вот ведь беда какая, — задумчиво сказал парторг.

— Я вспыхиваю. — Вот именно. Маленькие — они такие: пыл и погас, как свечка. А на войне нужно терпение...

— Это верно, — согласился Паншин и вытер мокрый лоб рукавом. — Нужно уметь подойти к человеку, а то обожат тебя за миду-душую...

— Что подделался, — вздохнул, сказал парторг и осторожно, будто совет подал: — А ты к бойцу с подветренной стороны подойди...

— То-ест, как это?

— А так, чтобы он сам потом не мог сообразить: «Как же он, хитрый чорт, ко мне в душу залез?»

— Они оба даже оглянулись, не последующий лад, и померсали, как смеются по, рой два простодушных человека, придумавших хитрость и довольных собой.

Четыре партия с тех пор сблизилась в полку. Одного Паншин сам похоронил под Сталиным, второго погиб в наступлении весной под Николаевом, третьего увезли в госпиталь и он не вернулся, четвертый получив повышение, и Паншин долго с ним переписывался, но теперь, спустя три года, все они казались ему на одно лицо, одним парторгом полка, идущим из ночной мутьи солдатскими кострам, сидящим с газетой среди землянок, ловущим отсталых в бою. И не забывая тот день беседы с первым

парторгом, когда мир спелых полей казался по горизонту отчетливо круглым, бронзовым и вместе с зеленой легкой Днепра как бы предвосхищав круглую форму медали с выгравированной мутно-зеленой ленточкой, знакомой и мягкой каждому фронтовому статисту.

Народ учил агитатора. Ибогда не читались единственного, точного слова. Его подсказывали Паншину.

В зимнюю ночь штурмовали немца в донской степи Бокской. Теперь — только вперед! Гнать злую силу с родной земли! В морозной белизе лунной ночи Паншин шел в рассыланных пнях полка и видел, как в чердачном окне, суча по испанкам, работал немецкий пулемет, прижимал Паншину к стене, чтобы добраться до него, сгорая, хотя при себе цыгарки, заглядывая в ненавистную жарку и — скворчателам, «по зубам» — по салажкам, — как говорили когда-то мальчишки в селе...

Вместе с бойцом Якимовым Паншин ворвался в пустую хату. В сенях, на чердачной балке, верхом сидел немецкий офицер, хотел, видно, прыгнуть, да помешали. Паншин успел проскочить в комнату, а Якимов прижался к стене, но немец не мог достать его из пистолета.

Бей его через потолок! — крикнул Якимов из сеней.

Целого леса не пожалел Паншин — весь его в потолок! Очулся, когда немец упал в сенях, спиной стукнул об дверь. Якимов его пристрелил в упор. Он стоял над трупом, и автомат еще дымился. Из рукава Якимова вытекала на пальцы кровь. Молодой боец не видел этого, он глядел на немца.

— Что смотришь на него? Знакомый? — удивился Паншин.

Но Якимов не ответил. Он смотрел пристально в бледное лицо убитого немца, с морозца его губы точно были подкрашены, и резко выделялись на щеках полосу грязи.

— Что ты устанавливаешь? — удивленно сказал боец.

— Как ты сказал? — Вот гад, — тоской и обидой выговорил Якимов.

Так были сказаны для самого себя эти слова, с такой обидой за все человечество, что Паншин не пошевельнулся, вот оно — верное.

— Сможешь дойти? — спросил он Якимов.

— Точно. — Или... Только дай простой карандаш. Нету?

Оставшись один, Паншин снял с чердака пулемет, потом на подоконнике, при свете лампы, писал листовку-молнию, писал теми словами, какими только что сказались и невинный Якимов и его обиды на немца, что он на человека похож. У Паншина не было под рукой простого карандаша, чтобы написать эту листовку, — пришлось писать огулом, химическим, и в снежной степи буквы передавали его листовку из рук в руки в жестяной коробочке, чтобы буквы не расплылись.

Каким делами Паншина в боях, таким он становился. Бойцы создавали агитатора по себе, а потом слушали его.

Полк наступал, не выходя из боя. У станции Янголе полк первым форсировал знаменитый противотанковый ров, опасавшийся Запорожье. Утром во время атаки Паншин заметил сержанта Чумака, как тот подошел к трюмо стоявшему раненому и укроял его.

— Что же ты на расправу жидкий... Поют — смелого пуля бонята, а ты?.. Ты потерпи...

Потом Чумака вскопал и с автоматом победил вслед за товарищами на сторону противотанкового рова. К вечеру распространился слух о падении сержанта. Гранатами он залупил станковый пулемет, повел бойцов на скифский курган, передельный немцами в железобетонное укрепление, в немецких траншеях одного синю кулаком, другого, сказавши, задумчив, скатившись с ним на дно окопа.

В этот день полк стая гвардейским. Политработники бонис с ог: кто проводил беседы, кто вытаскивал боевые листки, парторг востанавливал на станции советскую власть. Паншина искали по батальонам и не могли найти. Он сам искал кого-то, про-

бираясь из звязда во звязд. Нужен ему был позарез сержант Чумака, тот упрямый боец, с которым вместе когда-то перешли Днепр с запада на восток. А теперь, вот он — Днепр — вперед! Он разыскал Чумака уже в сумерки, они присели на краю воронки, окаленной до синевы, и сапоги их почти касались мутнозеленой воды. Чумака пополоска голенища, вытер руки о край ишилки, но она была до самых сержантских лачков в мокрой грязи; он усмехнулся:

— Эх, засмалывался же я... — Ничего. Не из дому идем — домой, — сказал Паншин.

Верно, — согласился сержант. — Чем ни ближе к победе, ближе к дому... А мои дети — самый потешный возраст сейчас, — непопад, видно, задумались, сказал Чумака, и Паншин вдруг разгадал, что это шпакли-шпакли на голове Чумака, как всегда — торчком.

Сержант рассказал Паншину о жене и детях — семья у него проживала два года под немцем в селе, за которое дрался полк. Чумака недавно повидал свою семью. В жизни каждого бывает такой исподволь час, когда только не мешай, не тронь, душа прелесть. Выговорившись, Чумака прислушался к канонаде, он весь еще был там, в несомкавшем бою.

— Вишь дает жизни... Богат мальчик шумом.

— А тебе не странно было нынче, Иван Данилович? После того, как своих повидала?.. Так — по совести? — спросил Паншин.

— А чего странно... Убьет, так убьет, а ранят, — он подумал, — так вылетит... — Поидем, расскажем бойцам, как волевал, решительно сказал агитатор и поднялся. — Сегодня праздник в полку. Чумака пошел неохотно.

Да что там... — откликнулся он и упрямо усмехнулся, как будто собственным пальцам, которые крутили цыгарку. А Паншину не этого нужно было, и он допытывался; Чумака мрачнел, ища сочувствия у бойцов:

— Чего ж тут рассказывать... Известно, мы жинтой соской вскормили, нас манной крупкой не кормили...

А рассказчик-ка, Иван Данилович, как немцев твоих детей невола? — медленно вспоминал Чумака, что знало ему в душу из тихого ночного разговора с женой. — Подставил левую горсть — скою у кого встепит, насыпают, Жини... А у мой-то пятеро ребятишек, мал-мала меньше. Она за них подставит руку — бьет фриц нагайкавой, давай ему детскую горстку... — Фюркиндлер... Да боже ж мой, детская горстка, она махонькая, хоть слезами ее размачивай, хоть кувалдой распастывай...

Бойцы сумрачно слушали. И Паншин слушал. «А ведь верно — не должность», — подумал он о себе далекиими-далекими словами — из начальных дней войны. К ночи ваял тумрам осенним додем, седел по-фюркиндлерский и редельный дождь, только корешки в земле обмылал да увлажнял сухую махорку в кисетах. Вадая подыхала сыранный бой за Днепр...

Так переходили они из звязда во звязд, всюду Паншин допытывался у Чумака и сам досказывал кое-что, а Чумака ухмылялся, упрямился. Только где-то, уже в восьмой роте, сержант понял, — проняло его, — что хотел внушить людям Паншин: что был он в бою не просто Чумака, Иван Данилович из хutora Богомазы, а был он воин Красной Армии, выполнявший свой долг присяги, и что смелее не им — не просто кулачный бой, о котором он стеснялся рассказывать, как человек в летах, что это не то, как в детстве, когда воевал с хуторскими ребятами, а потом сам и бахвалялся. Разве ж можно так к людям мти: оклабыв, делая вид, что ничего не случилось. Они ж сами такие как ты, смерть выдиди...

И он уступил слово Паншину, думая про себя так: пусть рассказывает о нем посерьезнее, построже, как о некоем воителе, совершившем назначенный подвиг. Он не стал даже крутить цыгарку, держался хмуро, достойно, слушал агитатора, как все другие, внимательно, наклонив голову; доверчиво следил по рассказу Паншина за всем, как будто дело, и даже за теми подробностями, какие не совсем сходились с правдой.

Правдой был теперь рассказ Паншина.

Плакат работы В. ЛИБАНОВОЙ. Издательство «ИСКУССТВО».

Вадим КОЖЕВНИКОВ САМОЕ ГЛАВНОЕ

В берлинской битве каждый наш военный журналист готов был отдать все на свете, но только бы первым оказаться у здания рейхстага, за которое шел неустойчиво по своему напряжению бой.

Увидеть первым, как воздвигается знамя Победы над рейхстагом, — разве это не высшее счастье!

Мы карабкались по обломкам зданий, и падающие стены напоминали собой стремительное движение гигантских каменных обвалов в горах.

Артиллерия проламывала путь вперед бойцам.

Мы проходили сквозь эти проломы в ушах, как сквозь сумрачные тоннели, наполненные еще горячим дымом!

Наша артиллерия поработала в Берлине с большим толком.

Это может подтвердить каждый, кто имел удовольствие взглянуть на город с какой-нибудь высоты.

И тогда, наконец, мы пробрались к зданию рейхстага, внутренность которого напоминала каменоломню — мы застали там еще тех бойцов, которые первыми ворвались в него.

Офицер, участвовавший по взятию рейхстага, указал нам на бойца, особо отличившегося в штурме.

Этот боец, уже окруженный фотокорреспондентами, с удовольствием позировал, стоянось на ступени рейхстага с горделиво поднятой головой.

Могучий рост, плечи, уши, ордена и медали — все это служило бесценной добычей для фотокорреспондентов.

«Пастоящий герой», — восхищались они.

— А как же, — с достоинством соглашался боец, и тут же открыто хвастал: — Я здесь на лестничном пролете один с четырьмя немцами спрыгнул.

И вот тогда кто-то посоветовал бойцу расписаться на рейхстаге. «Для истории, чтобы потом все знали, кто его первым брал».

Боец послушно взял с земли острый осколок снаряда, подошел к стене, поднял руку и... И вдруг он опустил ее и долго оставался так в странной, напряженной позе с опущенными руками, повернувшись лицом к стене.

Сергей Островой Красный флаг на Эльбе

Как часто во время войны каждый из нас мысленно рисовал себе ее конец. И всегда это было по-разному. Одним представлялось, что это непременно произойдет ночью. Другие утверждали, что все это будет ярким солнечным утром, и непременно весной. Некоторые говорили, что последний выстрел на войне отзвучит так же неожиданно, как прозвучал и первый выстрел, развязавший войну. Но как бы ни были различны наши представления об этом моменте, все мы сходились на одном:

— Война закончится полной нашей победой в Берлине или где-то за ним!

Я встретил праздник Победы на Эльбе. Наша славная Карачевская дивизия, награжденная тремя боевыми орденами, вышла к Эльбе, прикрывая Берлин с севера, и форсировала на своем пути Одер, с его широкими заболоченными поймами. В то же время войска маршала Жукова развива-

Ему крикнули шутливо: — Может, ты свою фамилию забыл? — Нет, не забыл, — ответил боец глухо. Тогда озабоченно осведомились: — Ты неграмотный, что ли? — Нет, грамотный.

И опять боец продолжал стоять в глубокой задумчивости, повернувшись лицом к стене рейхстага, с запятыми битым кирпичным плечами, в гимнастерке, темной на спине от больших бурых пятен пота.

Наконец, будто разрешив что-то очень важное, боец грянул головой, развеяв опущенные плечи и с силой начал выпарывать из стены рейхстага осколком снаряда болыше, в камень уходящие буквы.

Он так долго и тщательно вырубал в стене свою подпись, что мы успели забыть о нем и не заметили, когда он ушел, закончив свою работу.

Больше всех обеспокоились тем, что боец ушел, наши фотокорреспонденты.

— Как же так, — говорили они, — мы его столько раз звали, а фамилии не знаем. Мы успокоили их, фамилии не свой авторфог боец оставил на стене рейхстага.

Но когда мы подошли к тому месту, где раньше стоял боец, вырубая свое имя на стене рейхстага, мы увидели только одно слово, глубоко выбитое в камне: Сталин.

Это была солдатская подпись бойца, первого, ворвавшегося в здание рейхстага. И вот прошел уже год с того времени.

Но каждый раз, когда я вспоминаю этот эпизод, все существо мое наполняется чувством глубокой любви и преданности делу человека, который с такой высокой честью выполнил свой воинский долг и с такой величественной простотой сказал о себе одним словом.

И если б кому-нибудь из нас удалось проникнуть в те мысли, которые обуревают неизвестного бойца, когда он стоял, повернувшись лицом к стене рейхстага, и удалось узнать, о чем он думал в эти мгновения, этот писатель сумел бы написать книгу о Великой Отечественной войне, в которой героев которой каждый участник этой войны узнавал бы себя, свое самое главное, самое сокровенное, что помогло одержать великую победу.

В. ГОФФЕНШЕФЕР СЛЕЗЫ СОЛДАТА

В сентябре сорок первого года немцы прорвали переполненные укрепления и вторглись в Крым. В течение месяца наша армия сдерживала их на ишувских позициях, но в конце октября они снова перешли в наступление. Завязались тяжёлые бои. У немцев было много танков, минометов, самолетов. Враг подминал сухую землю под себя, и в последнем бою он обрадовался: война обяснила ему как-то краешком. Он шел по испорченным войной полям, и каждый обрубленный дождем окопчик что-то подсказывал ему о тех, кто здесь окаявался, томился без курава, утравлялся в заморозки, а подошло время — и вот же: набрался справа от себя почернулой горку расстрелянных глыз.

Было трудное время для агитатора: все были злы на правду, взбудораженные. А Паншину приходилось каждый день читать людям сводки об оставленных городках. Терпевшие люди слушали молча. Иногда агитаторы вырвали в самих неожиданные вещи: однажды во время поитбеседы их застиг косою дождь в неконченных дугах; и этот дождь, пронизанный солнечными лучами, знакомый всем с детства, вдруг всех расшевелил и странно сплюснул всех вокруг Паншина, и бодрость вернулась сама собой, не стало нужно никаких слов.

Ночами перед стрелковым полком, шепчущими в окопах, развевались в тревожных солдатских снах картины мирных

бителей и вовсе не видеть, тем он становится наобывнее и нахальнее.

Бывало так, что приближение самолета заставляло орудие прекратит огонь. Тогда, наскоро набросив на маленькую пушку несколько веток акации, расчет уезжал в узеньком окопе и ждал, пока вражеский корректировщик улетит.

В одну из таких минут мы с Рыбинным перешли в соседний окоп. Он стал мне рассказывать, как дрался под Одессой и какие хорошие ребята у него в расчете. Но по тому, как часто он поглядывал наверх и неожиданно замолкал, я понял, что ему сейчас не до рассказов. Он думал о бое, о своем орудии и о кружившем над нами черном коршуне, и лицо его становилось мрачным и злым.

— Вот солдаты! Висит над нами, издевается этот немец, и хотя бы один наш истребитель был здесь. И вчера тоже не было наших истребков... Куда ж они девались? Эх, мать честная!

В годнее его была тоска.

А воздушный корректировщик делал свое дело. Вражеские снаряды стали докучать все ближе и ближе к орудью. Один из них разорвался совсем близко. Метнувшись с брствера земля заставляла меня зажмурить глаза. И в этот миг я почувствовал, как кто-то рванул из моих рук карабин. Открыл глаза, я увидел Рыбинина. Вскнуив карабин, он целился в самолет. Он вытаскивал по воздушному корректировщику одну пулю за другой. Лицо его было искажено гримасой страшной невинности, из глаз вылились слезы, губы его истопорились. Деловито, не торопясь, перевалившись, одного скошенного крыла на другое, черной коршун высматривал наши позиции и огневые точки. И чем яснее становилось, что аэсинот у нас мало, а истре-

какая слеза была каплей крови, историчной из солдатского сердца.

Через некоторое время, когда осколки снарядов заполнили воздух непрерывным воем, когда немецкие мины начали докучать так кучно, что в черном дыме, казалось, вырывается склад боеприпасов, Рыбинин приказал откатить орудие на другие позиции. Но путь к ним вел в тыл. Отход рыбининского орудия был частичной нависшей общей отступлении перед вооруженным до зубов противником.

Много крови было пролито на крымскую землю. Много трагедий, глыз больших, чем слезы Рыбинина, вывалили степи и горы Крыма. Но когда я потом вспоминаю о них над осенним крымским простором, из горького дыма тяжелых сражений вставадо предо мною искаженное горем лицо солдата.

Я помнил о нем под Сталинградом, на Миусе, под Мелитополем. Победая, мы не забывали о страданиях поражения. Воспоминания о них давали силу для новых побед, силу невинности и мести. У наших офицеров и сержантов, поминивших крага на запад, не печезла и не исчезала дымка, появлявшаяся в тяжелых боях сорок первого года. Наступали солдаты, несли в своей душе горькие слезы нашего отступления. Солнце победы не снуило оно взрывало эти кристаллы гора, как огонь взрывает порох. И горе обоживало на врага.

Нет, не мог я забыть Рыбинина! И особенно остро вспомнил я о нем, когда в дни форсирования Сиваша оказался в районе Бессемянной. А когда в апреле сорок четвертого мы ворвались на крымские просторы, когда песни жаровников в ярком весеннем небе звонкой нитью пропннвали сплошной гуд наших танковых колон и воздушных армид, мне казалось, что вот здесь, где-то рядом, мчнется по главе своей батареи или дивизиона и Рыбинин и вслед за командой «огонь!» он кричит: «Вот вам, вот вам, вот вам, проклятые».

Да, Рыбинин стрелял, ругался и плакал, плакал от ярости и бессильной злобы. И в те радостные дни я напомидал в газете

о безрадостном бою у Бессемянной и назвал фамилию Рыбинина. Я надеялся, что он здесь, что он откликнется. Но он не отозвался. В день освобождения Севастополя я искал его на улицах, пролеглих между бойцами рудинами, и не нашел. Но все же я верил в то, что когда-нибудь встречу его, встречу обязательно.

Ровно через год мне довелось видеть зрелище до того грандиозное, что воссоздать его трудно: стихийный фронтальный салют в честь победы. Это было далеко от Крыма, у берегов Балтийского моря, на единственном неподвижном в эти дни участке фронта, участке между Тухусом и Либавой, где мы блокировали двухсоттысячную немецкую группировку.

Неведомо, кто первый из радостных в ночь с 8 на 9 мая онаслало выскочил из бднжидка с ликующим криком: «Капитулировали!» Но через мгновение в небо вылилась очередь трансирующих пуль, зашипели ракеты, захоронили зенитные орудия. И на небе огненным многооточным млечным путем, но близким и ослепительным ярким, начала вычерчиваться серпантинная линия, в точности повторяющая изгибы линии фронта. Переливались разноцветными огнями, она стремительно удалялась, уходя вдаль на

Николай АСЕЕВ ЧТО НАДОБНО СДЕЛАТЬ

Надобно сделать, вернее, доделать, развить, довершить поэму об Урале, о его истории, прошлом и настоящем его обители. Соединить мысль о горно-рудном его могуществе с им сохраненной мощью языковой. Ведь именно Прокопием Демидовым, сыном Аксиньи Демидова, основателя горного дела на Урале, были собраны и сохранены Уральские известные нам народные сказания, характерные для складки и обилия основ русского художественного слова. Так «железные слова», случайно обнаруженные в горном Уральском хребте, позволяют нам судить о подлинных вкусах и требованиях народа к словесному искусству. Требования эти, оказывается, весьма высоки, переключаются с наиболее смелыми новаторскими поисками позднейших реставраторов. Сборник Кириши Давидова говорит нам об этом, показывая, следовательно словесное искусство, выявлено и вычищено Пушкиным, а в будущем нашей поэзии, как о «снежных выветренных породах и странностях исторических». Сборник Кириши Давидова сохраняется именно благодаря стараниям Демидова, собиравшего древние российские стихотворения от сибирских людей, покуда

тогда она становится законченной. Она входит в свои границы. Она касается фантазии, то подлинно и понимаю субъективные, оригинальные, личное понимание тех идей, которые являются объектом искусства. Ведь мало понимать умом идеи воспроизводимого нами объекта, надо вкладывать душу, сердце в эти идеи, если хочешь, «сочастливиться» эти идеи красотой, добротой, сочувствием, любовью, преданностью. И еще одно. Поскольку рассказы книги «21 удивительный случай» — фантастические, то в них неизбежно должно было отразиться, судя по мнению Демидова, материя. Материя — трагедия, непорочная, борьба с нею нелегка, материя стремится подменить человека. Поэтому материя, воспроизводимую в искусстве, мы ждем видеть побежденной, превращенной человеком в некий совершенный и положительный образ. Когда скульптор выбирает материал для статуи, он возьмет глыбу мрамора, без трещин и поврежденного цвета, ближе всего подхожаго к цвету человеческого тела. Но — не глыбой, а статуей должна быть, подлинно действительная материя в своих фантастических рассказах. Таковы мои осуществленные и осуществляемые планы, такой кусок жизни художника. А жизнь художника — есть экзамен его индивидуальной воле. Только в отличие от прочих экзаменов этот наш экзамен никогда не оканчивается. И опять-таки в отличие от прочих экзаменов — это очень хорошо.

С. ГОЛУБОВ «СОТВОРЕНИЕ ВЕКА»

Немало уже лет живу я на свете. И чем дальше живу, тем яснее вижу прошлое. Думаю о нем, я прежде всего радуюсь громадности общественных явлений, непосредственным свидетелем которых был, в которых сам участвовал, и поражаюсь их величии и целостной красотой. Ведь жизнь поставила меня бок о бок почти со всеми крутами русского общества той решительной поры, когда под не сбросившими еще покровами старых форм творилось содержание нового века, когда, наконец, были сброшены покровы и вспрыгнул наш великий народ. Недало до Отечественной войны возникло во мне беспокойство особого рода, которое обычно испытывает человек, когда обязательно должно что-то сказать. Поднявшись голосу этой внутренней тревоги, начал я писать большое произведение. Я прикоснулся к этой работе с необычным желанием высказать все известное и столь же понятное мне в судьбах моей эпохи и моих современников.

Немало уже лет живу я на свете. И чем дальше живу, тем яснее вижу прошлое. Думаю о нем, я прежде всего радуюсь громадности общественных явлений, непосредственным свидетелем которых был, в которых сам участвовал, и поражаюсь их величии и целостной красотой. Ведь жизнь поставила меня бок о бок почти со всеми крутами русского общества той решительной поры, когда под не сбросившими еще покровами старых форм творилось содержание нового века, когда, наконец, были сброшены покровы и вспрыгнул наш великий народ. Недало до Отечественной войны возникло во мне беспокойство особого рода, которое обычно испытывает человек, когда обязательно должно что-то сказать. Поднявшись голосу этой внутренней тревоги, начал я писать большое произведение. Я прикоснулся к этой работе с необычным желанием высказать все известное и столь же понятное мне в судьбах моей эпохи и моих современников.

Илья ГРУЗДЕВ ШИРОКИЕ ПЛАНЫ

В годы войны я работал как публицист в Ленинградской и фронтовой печати. После четырехлетнего перерыва я получил возможность вернуться к своей основной работе последнего времени — историко-литературной монографии «Горький и его время». Широкий план первого тома, вышедшего до войны, обязывал меня вести и последующие тома в этом объеме, и, как часто бывает, материал растет с ходом работы; второй том приходится ограничить 90-ми главами с их сложными идеологическими и литературными процессами.

В годы войны я работал как публицист в Ленинградской и фронтовой печати. После четырехлетнего перерыва я получил возможность вернуться к своей основной работе последнего времени — историко-литературной монографии «Горький и его время». Широкий план первого тома, вышедшего до войны, обязывал меня вести и последующие тома в этом объеме, и, как часто бывает, материал растет с ходом работы; второй том приходится ограничить 90-ми главами с их сложными идеологическими и литературными процессами.

Маргарита АЛИГЕР Темы войны

После войны я написала цикл стихов «Большие ожидания», который в скором времени будет напечатан в журнале «Знамя». В настоящее время работаю над драмой в стихах. Действие драмы происходит во время Великой Отечественной войны. Но то, что я пишу ее через год после окончания войны, дает мне ощущение дистанции между мною и материалом. Такая дистанция дает возможность смотреть на материал под разными углами зрения, видеть его более выпуклым. Я считаю, что поколение писателей, к которому я принадлежу, еще долго не расстанется с темой войны. Но это не значит, что мы будем писать в этом году только о войне. Быть может, некоторые из нас не будут писать о ней вовсе. Но что бы мы ни писали, как бы разнообразно и широко ни была наша тематика, как бы мы ни отдалялись от темы собственно войны, все равно наша работа будет работой людей, которые всем своим существом переживают войну и как писатели сложившейся и возмужавшей в военные годы.

Вас. ЛЕБЕДЕВ-НУМАЧ Стихи и проза

Во время войны я сотрудничал преимущественно в военной печати. В прошедшем первом мирном году возобновил работу в центральной прессе и много работал в области культуры и юмора. Первая книга сатиры «Колодец стихов» вышла в издательстве «Крокодил» осенью 1945 г. Сейчас там же готовится к печати вторая книга под условным названием «Шины без роз». Большой сборник сатирических и юмористических стихов, как бы подготавливающий мою многолетнюю работу в этой области, я сдал в издательство «Искусство». Успешная работа над стихами для оперетты «Моя Гюзель», идущей сейчас в Московском театре оперетты, побуждает меня и в будущем не забывать этого жанра. Продолжаю интенсивно работать над сценариями для картины «Весна» (режиссер Г. Александров, композитор И. Дунаевский). Занимаюсь подбором и редактированием большого сборника «Забранные стихи» и пьесы. Целую минуту задумал написать комедию, цикл лирических стихов, серию новых пьес... Хочется поработать над коротким рассказом, которым я когда-то увлекался... Пятилетка восстановления и расцвета рождает все новые и новые мечты и желания... Хочется поработать и в стихах и в прозе; для кино и для театра; для эстрады и для самодеятельности; для взрослых и для детей; для города и для деревни... Хочется работать планомерно и системно и помнить пятилетке очерком и рассказом, песней и фельетоном, пьесой и стихом... Хватит ли только сил!

Михаил ПРИШВИН Былина о строительстве

Недавно я закончил повесть «Мирская чаща», посвященную жизни поэта во время Великой Отечественной войны. В Детине, издательстве «Молодая гвардия», вышла в свет повесть «Сказки» и повесть «Кладовая соли». Сейчас я заканчиваю произведение, над которым работал много лет. Это «Надуны» — былина о строительстве Безморского канала, данная в сказочной интерпретации, пропущенная через восприятие детского сознания. В ближайшее время я приступаю к работе над книгой географического жанра «Моя родина». Все мои произведения, — будь то повести или рассказы, — я рассматриваю, как сказку. Издревле сказка в нашем народе считалась такой. Формой народного творчества, где основой были поставлены борьба доброй и злой сил (Ивана Царевича с Кощеем Бессмертным, например). Идея сказки — идея добра — объединяет поколения. И поэтому я считаю своим личным интересом и интересом как для взрослых, так и для детей.

Вс. ИВАНОВ Жизнь художника

За прошлый год я написал роман «При взятии Берлина», небольшую книгу воспоминаний «Встречи с Максимом Горьким» и почти закончил книгу новых рассказов «Вдаль» — один удивительный случай. В будущем году, или, вернее, в текущем, хочу написать роман «Зерно» — о творчестве, о советском человеке на новом историческом этапе, когда великая социалистическая держава приступила к творчеству по осуществлению первого последовательного пятилетнего плана. Мне хочется показать морально-политическое единство советских людей при осуществлении планов этого творческого Плана — это вера, энтузиазм, знание, искусство. Наш новый пятилетний план, задуманный народом еще в недрах Великой освободительной войны, это — могучее знание борьбы и труда советских людей, знания нелегкого обаяния. Кроме того, думаю написать две пьесы. Одна из них по теме будет параллельна теме романа «Зерно». Другая — «Штурм ржевского рубежа» будет посвящена одному из знаменитых героев «При взятии Берлина». Возможно, что напишу еще рассказы и книгу «Вдаль» — один удивительный случай. Хочется полнее и ярче выявить тему этой книги. Тема книги — красота и фантазия, та красота и фантазия, которая поддерживает жизнь, восхищает и очаровывает. А выявить эту тему нелегко. Красота в искусстве добывается с трудом. Красоту надо выстрадать.

Виссарион САЯНОВ Будущее поэзии

Шесть лет я носил военную форму, теперь снова вернулся к письменному труду, но кровная связь с армией остается у меня до конца жизни. Недавно вышла в свет похвальная тетрадь «Весна 1945 года» — стихи, которые я писал в дни боя в Бреслау, Берлине, на берегах Эльбы. В ближайшее время выйдет мой большой роман «Небо и земля». Приближается к завершению работа над романом о ленинградском фронте. Много я читал в этом году хороших и старых стихов. Сейчас, после всего пережитого, они, как лес после грозы: удивительно чисты, прозрачны, словно помолодели на сто лет. Привык к этому чистейшему языку, все чаще думаю о будущем нашей поэзии. Очень хочется выразить в стихах то, чем живет наша Родина, которой ближайшей десятилетией предстоит выполнить самый грандиозный строительный план, какой знала человеческая история. Новое время выразит только новыми стихами. Я согласен с Блоком, что ямб — лучший строительный материал поэзии. Но нужно сменить с него лавесный эпитет, нужно уйти от равновесных приседаний стихотворных гимнастов, нужно вызвать к жизни все силы, заключающиеся в динамике пушкинского стиха. Наступающие годы становятся годами поворота русской поэзии. Вот почему всем нам так нужны творческие споры: без них нет развития в искусстве.

Сергей МИХАЛКОВ Пьесы и басни

В течение этого года я написал пьесу «Веселые сновидения», премьера которой будет скоро показана Центральным Детским театром в постановке В. Колосаева. Одновременно с пьесой на эту же тему, но разницей ее, я написал сценарий для Советдетфильма. В 1946 году в издательстве «Советский писатель» вышла книга моих басен, иллюстрированная художником Куркискиным и А. Каневским. Пожалуй, эта серия басен и была моей основной работой в истекшем году. Летиз выпускает для школьников книжку переведенных мною веселых стихов известного польского поэта К. Тувиима («Птичке радио», «Азбука», «Овощи» и др.). Сейчас я заканчиваю комедию для детей «Обоее задание». Действие ее происходит в наши дни в одной далекой местности, в среде школьников.

Леонид РАХМИСВ Счастье творчества

В истекшем мирном году я написал совместно с Евгением Рыськом повесть и пьесу о советском молодом следователе и первом большом деле, произведенном в военных условиях. Для меня эта работа была первой в том жанре, который условно можно назвать детективным. Инцензором для МХАТ «Уникальных и оскорбленных» Достоевского была следующей работой 1945 года. Одновременно я продолжал начатый еще до войны роман о науке, который вытеснил основной моей работой и в текущем и в будущем, 1947 году. Это роман о трех поколениях ученых. Время — внимательный драматический фактор сюжета: ученому нехватает жизни и он передает эстафету следующему поколению, оставаясь жить в умах и сердцах учеников. Великая юность науки, шагающей к новым просторам, — вот в самых общих словах тема романа. Отнюдь не для того, чтобы отодвинуть от ученого глубокомыслия, начал недавно писать комедию «Я все забыл» — о хроничестве районного музея, который был на фронте с детства, а ныне вернулся к своим мирным занятиям. Я хочу, чтобы каждый и мыслительный, скучающий и мечтательный человек был счастлив, счастливее, чем до войны, — как бы счастье не называлось: любовью, творчеством.

Геннадий ФИШ ДВЕ КНИГИ

После трех войн: войны с Финляндией 1939—40 гг., Отечественной и войны с Японией, совсем недавно, я снял военную шинель и снова сел за письменный стол. Многие увидели, многие пережили, много переучаю и об очень много хочется писать. Но в первую очередь меня увлекают две темы. Финляндия в результате разгрома немецкого фашизма, в дружбе с Советским Союзом, опираясь на свои внутренние силы, строит сейчас свою народную демократию. Самоотверженной борьбе финских демократов-революционеров против правителей-людов Рюти-Таннера, борьбе, полной захватывающего, драматического интереса, я посвятил в свое время романы «Мы вернемся», «Сюжет этой войны», «Клятва», повести «Панорама», «Клятва» и «Третий поединок» и отдельные новеллы в книге «Ягубов». Теперь же я работаю над книгой, которая покажет, как в этот период развивалась Финляндия, явится логическим, историческим и сюжетным завершением всей этой серии книг. В основу новой книги, как и прежних, положены подлинно действительные события и впечатления, вынесенные мною от поездки в Финляндию, и материалы, собранные за несколько лет работы на Карельском фронте. Второй теме, которая увлекает меня, я уже касался в книжке «Вера и черепашка и теленок». Это тема грандиозной научной борьбы в агробиологии, связанная с работами академика Лысенко. Борьба эта, настолько интересная, плодотворная, она так непосредственно затрагивает жизнь миллионов людей, формирует новый тип ученого, устанавливает новые методы взаимосвязи науки и практики и так увлекает меня, что я мечтаю о том дне, когда после предварительной работы уяснюсь за стол и начну рукопись этой книги.

Ал. ИСБАХ Друзья и герои

...Я получил письмо от друга из-под Берлина. «Мы готовимся к годовщине Победы», — пишет он. — Гвардейцы сами написали пьесу из истории дивизии, поставим ее в дивизионном клубе. Это пьеса о людях. Вмещает он тысячу человек. А поминишь ли ты?.. Помню ли ты? Разве можно забыть те дни. Шли первые месяцы войны. Мы уходили в батальоны, чтобы найти своих друзей, познакомиться с ними, завязать крепкую дружбу. Мы не хотели на фронте на передовых позициях быть в одиночку. Крепко связываясь с частью, пройти с ней боевой путь, жить ее радостями и печалью — такова была наша задача. А это значило — органические войны в жизни части, не только писать о людях, но и помогать им в трудных боевых условиях, стать полноправным членом той большой семьи, которая называлась полком или батальоном. Это значило — стремиться писать так, чтобы каждый твой очерк о человеке помог воспитывать других людей в полку, чтобы каждая твоя зарисовка играла свою роль в общей политической работе батальона. В блиндаже 759-го полка 163-й дивизии мы жили в шестером. Михаил Артемьевич Дунаев, секретарь полкового партбюро; инструктор пропаганды Борис Юдин, любящий полка, веселый и забавный, — по утреннему морозу он бежал на лыжах в одних трусах, приводя в смущение и ужас часовых, кутающихся в тулупы; широкоплечий, кракнотный красноармеец-большевик Иван Баштовой, секретарь политической работы, бывший член партии; худенький, всегда улыбающийся Митя Сергеевич, комсомольский вожак полка; и я, фотокорреспондент нашей фронтовой газеты. Жили в тепоте, да не в обиде. В полку наш блиндаж назывался «Партизаны». Весь день мы бродили по потам, по батареям, добывая к вечеру, и тогда начинались долгие задушевные, ночные разговоры о событиях прошедшего дня, о жизни, о людях полка, о боях прошедших и будущих, о доме, о счастье. Разговоры не для записной книжки и не для очерков и рассказов, но именно те разговоры, без которых нельзя было бы написать ни будущих очерков, ни рассказов. Потолок блиндажа был заклеен огромной исторической картой: Русь в IX веке.

...Я получил письмо от друга из-под Берлина. «Мы готовимся к годовщине Победы», — пишет он. — Гвардейцы сами написали пьесу из истории дивизии, поставим ее в дивизионном клубе. Это пьеса о людях. Вмещает он тысячу человек. А поминишь ли ты?.. Помню ли ты? Разве можно забыть те дни. Шли первые месяцы войны. Мы уходили в батальоны, чтобы найти своих друзей, познакомиться с ними, завязать крепкую дружбу. Мы не хотели на фронте на передовых позициях быть в одиночку. Крепко связываясь с частью, пройти с ней боевой путь, жить ее радостями и печалью — такова была наша задача. А это значило — органические войны в жизни части, не только писать о людях, но и помогать им в трудных боевых условиях, стать полноправным членом той большой семьи, которая называлась полком или батальоном. Это значило — стремиться писать так, чтобы каждый твой очерк о человеке помог воспитывать других людей в полку, чтобы каждая твоя зарисовка играла свою роль в общей политической работе батальона. В блиндаже 759-го полка 163-й дивизии мы жили в шестером. Михаил Артемьевич Дунаев, секретарь полкового партбюро; инструктор пропаганды Борис Юдин, любящий полка, веселый и забавный, — по утреннему морозу он бежал на лыжах в одних трусах, приводя в смущение и ужас часовых, кутающихся в тулупы; широкоплечий, кракнотный красноармеец-большевик Иван Баштовой, секретарь политической работы, бывший член партии; худенький, всегда улыбающийся Митя Сергеевич, комсомольский вожак полка; и я, фотокорреспондент нашей фронтовой газеты. Жили в тепоте, да не в обиде. В полку наш блиндаж назывался «Партизаны». Весь день мы бродили по потам, по батареям, добывая к вечеру, и тогда начинались долгие задушевные, ночные разговоры о событиях прошедшего дня, о жизни, о людях полка, о боях прошедших и будущих, о доме, о счастье. Разговоры не для записной книжки и не для очерков и рассказов, но именно те разговоры, без которых нельзя было бы написать ни будущих очерков, ни рассказов. Потолок блиндажа был заклеен огромной исторической картой: Русь в IX веке.

День печати литературная общность Москвы отпраздновала в этом году традиционным книжным базаром в Московском клубе.

В залах и гостиных клуба разместились киоски издательства и книготорговцев организации торговли. Обилие интересных книг. Книжка «Советского писателя» вырвалась 20 тыс. руб., треть суммы, полученной всеми киосками за два дня — 5 и 6 мая. Значительный киоск В. Шафаря. 28 лет работающего в издательстве, привада, если успеет издать новые книги. В окопе боев Журавлев и продолжал вести из винтовки огонь по фашистам. Все вокруг него было сожжено. Окровавленное лицо Журавлева было изуродовано. Ни шинель, ни пальто, ни смертельные струи отпугивали, сжигшие его товарищи, не могли заставить бойца Журавлева покинуть свой пост. Огневая точка продолжала жить. Таких бойцов сломить было невозможно. Гарнизон Круткин устоял. Илья Иванович Рештаков получил благодарности командарма. В последний час боя был ранен связной Рештакова, веселый комсомолец Коля Костычев. Лежал он неподалеку от окопа и зажимал ружью рану, из которой лилась кровь. Илья Рештаков вылез из окопа и пошел к Костычеву. Он поднял бойца и понес его в блиндаж. Пуля попала в сумку младшего лейтенанта. Она прошила бумагу, на которой написано было ружью комиссара Ивана Подгорного, что он, комиссар, рекомендует принять Илью Рештакова в Коммунистическую партию — большевиков. Той же ночью в блиндаже мы принимали в партию начальника гарнизона села Круткин. Секретарь партбюро Михаил Артемьевич Дунаев начал бранить при мерцающем свете копилки. А мне, поминишь, Артемьевич, ты поручил вести протокол заседания. Они приходили прямо из боя, и горячим воздухом боя был согрет наш блиндаж в ту морозную, вьюжную ночь. Рештаков, начальник гарнизона села Круткин, вынул рекомендацию из своей походной сумки. Мы от вражеской пули зияла в самом центре листка. Боевая эта отметка подтверждала слова рекомендации... Рештаков Дунаев принял меня в ту ночь. Старший сержант Алексей Маслов собрался подать заявление в партию еще перед боем. У него нехватало одной рекомендации. — Хорошо, — сказал комиссар, глядя его крепкую, крепкую фигуру. — Покажи себя в бою. А рекомендация найдется. Бой был упорный. Маслов командовал взводом связи. Под огнем фашистов день и ночь он давал связь от командира полка Круткин Илья Рештаков полку в ту ночь. Круткин, Оскарки ми часто обменивали призывом. Перелетая от копки к кошке, Маслов с двумя помощниками проверял линию, искал обрыв и восстанавливал связь. Все про было ранены одной миной. Они пе-

реждали друг друга и добрался до командного пункта. Маслов сдал товарищам санитарам, а сам остался на поле боя. На другой день комиссар вызвал его к себе. — Маслов, — сказал он. — Я узнал, что вы ранены. Немедленно отправляйтесь на медпункт. — Я не могу оставить своих бойцов. — тихо сказал старший сержант. — Разрешите мне остаться здесь. Я уйду, когда кончится бой. Комиссар пристально посмотрел на него. — Ну как, полковник, — спросил он неожиданно командира полка. — Напишем ему теперь рекомендацию? — Я, — обмени руками! — сказал полковник. Маслов пришел в наш блиндаж с полученной от полковника рекомендацией. Он стоял высокий, плотный, в каске, с винтовкой в левой руке. Сквозь повязку на правой руке проступала кровь. Он передал свои документы секретарю — тебе, Артемьевич. И мы приняли его в партию, вслед за Ильей Рештаковым. — Об этой ночи, о простых людях, приходящих в наш блиндаж, о новых коммунистах мы написали несколько очерков и эту статью в газету и в «Правду». А дружба, возникшая в ту ночь, с новыми нашими героями, не обрывалась. Через два года, в октябре 1943-го, мы получили письмо от капитана Алексея Маслова. — Здравствуйте, товарищи, — пишет вам знакомый по боям за деревню Хилково — Круткин. Поминишь, я был в вас в партийном блиндаже с рекомендациями о вступлении в ВКП(б), раненый в правую руку, в звании старший сержант. Вы обо мне написали потом в газету «Правду», и эту статью прочли все у нас в полку и на моем заводе. Я обещал вам писать о себе, но не писал, да и как будто не о чем писать, потому что двадцать пять месяцев, проведенных на самых передовых позициях, причинил меня смотреть на всякие страсти совершенно спокойно. Но я решил сегодня поделиться своей радостью. Я вырост до начальника связи полка, а ведь до войны я был простым рабочим. Командование наградило меня новым боевым оружием. И я буду дальше еще крепче служить за Родину, за все русское. Многие бы еще предостерегли вас вперед. И может быть, еще где-нибудь встретимся с вами, и может быть, даже в Берлине. Но я хочу сказать, что никогда не забуду

Круткин и той ночи, о которой вы писали, когда я вступил в ряды нашей партии... Вырезки из газет «За родину» и «Правду» я храню в своем партийном билете. И еще послал вам письмо секретаря партийного бюро своего завода. Письмо с завода было короткое: «Товарищ Маслов! Мы читали о тебе в газете «Правда». Мы хотим тебя, как хорошего коммуниста-станковика, а теперь узнали, как военного и боевого командира нашей Красной Армии. Это пример для рабочих нашего завода, чтобы лучше помогать фронту в разгроме немецких фашистов...» Я перепечатываю часто эти письма друзей, и та ночь под Крутками и многие другие ночи опять возникают в памяти. Я приеду к тебе под Берлин, Артемьевич, мы пройдем по местам боев и вместе посмотрим пьесу в новом клубе, пьесу, говорящую о пути дивизии от Круткин до Берлина. И мы вспомним старое и поговорим о покое и выпьем добрый стакан вина, которое не всегда бывало у нас в партийном блиндаже, но всегда найдется теперь у такого большого начальника, как ты. — Год назад мы вернулись с поля войны, передстали свои денники и записные книжки, и образы наших друзей и героев опять возникли перед нами. Мы много писали в военные годы. Но все, что написано до сих пор, это только предисловие к большому, настоящему книгам о войне. К тем книгам, в которых будет рассказано об Отечественной войне без лакировки, без гримовых слов, без латок, рассказано просто и сурово. Появятся люди, которые утверждают, что рассказы о войне не интересны читателю, что нужно дать передышку, что не следует сейчас писать о войне. Что может быть лучше победных разговоров. Только сейчас мы можем приступать к показу войны и ее героев со всей той ответственностью, которую требует сама взятая тема. Это будут книги и о людях, и о природе, и о сражениях, и о деревьях, росших у блиндажа, и о Крутиках (у каждого были свои «Крутики»), и о Берлине — книги о многом. Эти книги о войне не могут быть сквапными рамками каких-нибудь канонов или жанров. Здесь будут и военно-исторические романы, и сборники повел, и поэмы, и лирика. Писатели, побывавшие на войне, есть о чем рассказать. Они выполняли свой долг на фронте, они выжили и сейчас свой долг перед народом.

Николас НИКИТИН РОМАН О МОЛОДОСТИ

Я работаю сейчас над романом, действие которого начинается как бы с 1941 года... Я говорю как бы, потому что избранная мной форма романа дает мне возможность в некоторых его главах ретроспективно затрагивать и более раннее время. Главное действующее лицо романа — Сергей (Серий), пятнадцатилетний подросток. Это крик души, это раст. И время, в котором приходится действовать моему герою, тоже критическое, огромное, время великих испытаний души и тела, время борьбы, больших жизненных потрясений, и, наконец, время надежд и великой победы. Мой герой растет в эти огненные дни. Это обыкновенный, как будто бы рядовой юноша, имя им — сотни тысяч, это наша мо-

Константин ПАУСТОВСКИЙ КНИГА О РЕКЕ

В этом году я работал над большой автобиографической повестью «Далекие годы». Первая часть этой повести охватывающая мое детство, напечатана в журнале «Новый мир». Я закончил вторую часть повести — «Классическая гимназия», посвященную моим гимназическим годам. «Далекие годы» не является чисто мемуарным произведением. Каждая глава этой повести представляет собой законченный рассказ. Мемуарный материал повести подчинен художественной идее — показу формирования нашего современника и писателя. Во второй части повести отражены большие события: Русско-японская война, революция 1905 года, смерть Л. Н. Толстого и А. П. Чехова, убиство Столыпина, свидетель-

Книги о колхозной деревне

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.) Тема колхозной деревни послевоенного времени привлекает внимание ленинградских писателей. Большую повесть «Иван Лукчи» пишет Николай Грингорев. В основу повести легли материалы, собранные писателем в районах Ленинградской области, пострадавших от немецкой оккупации. Герой повести, участник обороны Ленинграда Иван Лукчи, возвращается на пеленные уничтоженных немцами богатого колхоза. Он возмущен восстановлением колхоза, который вырастает и расширяется в послевоенное время. Н. Грингорев задуман и цикл рассказов о колхозной деревне, первый из них — «Легкий человек» — напечатан в журнале «Ленинград». Тема восстановления колхозного хозяйства посвящена повесть Е. Лыфанова «Солнечный день». М. Жестев готовит книгу колхозных рассказов «Устой».